

Наталья Палеева, Анна Пустарнакова

Электоральные стереотипы пожилого населения Республики Татарстан и Самарской области

Сегодня проблемам пожилых уделяется значительное внимание общества. Пожилое население исследуют на предмет тех или иных проблем и фобий социологи, врачи, политики и экономисты. Результаты исследований, представленных здесь, будут призваны ответить на ряд вопросов, касающихся электоральных предпочтений населения пенсионного и предпенсионного возрастов (от 50–55 лет и старше), объяснить их специфику, выявить, существует ли связь между электоральными симпатиями и этнической толерантностью. Как используется так называемый этнический капитал, включая националистические по содержанию лозунги, представителями региональной власти? Способствует ли он популярности политиков? Итогом нашей работы должно стать сравнение двух соседних регионов с точки зрения электоральных представлений и влияния на них используемых политиками национальных лозунгов.

Нами было осуществлено два исследования — по одному в каждом регионе, и на данный момент заканчиваются еще два, результаты которых тоже будут представлены в данной работе. Мы опрашивали пожилых граждан регионов по двум анкетам. Одна из них была посвящена электоральным предпочтениям, вторая — мониторингу уровня толерантности.

Выявляя политические симпатии, мы опросили порядка 1000 человек — 500 человек в Самарской области и столько же в Республике Татарстан. В Самаре исследование только заканчивается, а в Татарстане оно было проведено во второй половине 2008 года. Ареал исследования в Татарстане: Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Зеленодольск, Лаишевский район. Состав респондентов: 37,6% — мужчины, 62,4% — женщины. В Самарской области на данный момент охвачен лишь центр региона — Самара, из опрошенных 40,2% — мужчины, 59,8% — женщины. По ежемесячному доходу на одного человека в семье регионы были примерно одинаковыми, с небольшим расхождением в сотых долях. Группа, в которой ежемесячный доход составлял менее 3000 рублей, составляла в среднем 18%, от 3000 до 5000 рублей — 40%, от 5000 до 7000 рублей — 28%, от 7000 до

10000 рублей — 11%, более 15000 рублей — 3%. По этническому составу в Республике Татарстан 40% — русские, 52% — татары, 8% — другие национальности; в Самарской области 67% — русские, 8% — татары, 25% — другие национальности. Опрос жителей в обоих регионах проводился по типу выборки «снежный ком».

Все вопросы в анкете были разделены на несколько тематических блоков. Для начала мы выясняли **электоральную активность** граждан, задавая вопросы о том, насколько часто они ходят на избирательные участки; посещают ли каждые проходящие в стране выборы; только федерального или, напротив, только регионального уровня; оповещаются ли они как избиратели всякий раз о проходящих выборах; не возникает ли у них сложностей с вызовом избирательной урны на дом и др. Второй блок вопросов был посвящен проблемам информированности общества о политических платформах действующих партий и политиков. Респондентов просили ответить на вопросы, касающиеся того, читают ли они — и если да, то насколько часто — какую-либо прессу вообще, в том числе газеты, имеющие информационно-политическую тематику. Читают ли они новости в газетах и насколько часто обращают внимание на те или иные политические события? Встречаются ли в читаемой ими прессе какие-либо сведения о политических платформах/программах тех или иных партий? Интересно ли им это? В предвыборной период — получают ли они информацию о программах политиков и политических партий, баллотирующихся на выборах? Насколько они информированы в этом плане?

Третий блок вопросов касался **политических предпочтений граждан**. Выяснялось, каким из известных им политических партий и политиков они симпатизируют в большей степени (поначалу в вопросах было лишь деление на левых, правых, центристов, с дальнейшим уточнением). Почему именно им? Что нравится им как избирателям в выбираемых программах? Если бы выборы состоялись в ближайшие выходные, то за какую политическую партию/депутата они бы проголосовали? При этом предлагался список из действующих партий и из «выбираемых» политиков. За какую политическую силу они бы не стали отдавать свои голоса и почему? Какие из озвучиваемых с политических трибун лозунги им наиболее симпатичны? В одном из вопросов приводился перечень лозунгов разных политических сил с просьбой выбрать несколько, наиболее точно отвечающих их настроениям. Что может повлиять на их выбор? Способны ли они полностью поменять свое мнение и почему это может произойти?

В четвертом блоке мы затрагивали проблему одобрения опрашиваемыми политики местных властей. Наши вопросы подразделялись на тематические блоки, начиная с экономической политики

и заканчивая действиями региональных властей в сфере повышения толерантности к приезжим в регионе. Перед нами стояла задача выяснить, насколько население поддерживает политику местных властей и по каким вопросам. Так, например, выясняя, насколько они удовлетворены экономической политикой, мы не только интересовались «претензиями» общества и методами решения имеющихся проблем, но еще и тем, знают ли респонденты о том, какая на самом деле в их регионе проводится экономическая политика. По той же схеме строились вопросы по ЖКХ, дорогам и т. п. Особое внимание помимо перечисленных вопросов уделялось удовлетворенности/неудовлетворенности политикой местных властей в отношении мигрантов. Знают ли пожилые граждане республики и области о том, какую политику в отношении мигрантов проводят местные власти? Используют ли они — и если да, то как часто — националистические лозунги? В каких ситуациях это чаще всего происходит? Для уточнения ответов на эти вопросы привлекали данные исследования, посвященного мониторингу уровня толерантности в регионах.

Пятый блок посвящался проблемам материальной обеспеченности информантов. Довольны ли они своим нынешним финансовым положением? Если нет, то почему? Чем конкретно они недовольны? Видят ли они, в ближайшей и отдаленной перспективе, возможность улучшения своего положения и с чем его связывают? Кто, по их мнению, способен помочь им при решении затруднений — государство, только они сами, родственники? Какова должна быть роль государства при решении материальных затруднений респондентов? Шестой, заключительный, блок касался «электоральных перспектив» действующих политических сил. Респондентам задавался ряд вопросов, выясняющих, насколько могут поменяться их политические пристрастия и под воздействием чего? Что должно произойти, чтобы они отказались от своих нынешних политических убеждений? Какие колебания партийного курса они готовы принять?

Переходя к анализу результатов данного опроса, необходимо отметить, что мы будем сравнивать два соседних региона по каждому из обозначенных блоков.

По степени информированности оба региона похожи. В каждом из них информированность о каждых предстоящих выборах стопроцентная, пожилые граждане регулярно оповещаются либо посредством посещения их представителями избирательной комиссии, либо получают информацию из писем, приглашающих их принять участие в выборах. Сложнее обстоит дело с частотой посещения ими избирательных участков. В Татарстане процент пенсионеров, не пропускающих ни одних выборов, сравнительно высок и составляет 72%. В Самаре несколько иная ситуация — там на все выборы приходят лишь 58%. Объяснение подоб-

ному, очевидно, можно увидеть в политике региональных властей. Республиканские власти, по утверждению самих же респондентов, прикладывают максимальные усилия для привлечения пожилых граждан на избирательные участки — проводят активную агитацию выборов, каждую неделю кандидаты на государственные посты встречаются с избирателями, представители ЦИКа республики информируют общество о самой процедуре выборов и изменениях в избирательном законодательстве. Это, по мнению многих респондентов, создает весьма благоприятную атмосферу на выборах. Проверить, насколько это так, мы решили при помощи косвенных вопросов, способных довольно многое прояснить в работе местной избирательной комиссии. В самом конце блока мы спрашивали: если создастся ситуация, при которой вы не сможете по тем или иным причинам пойти на выборы, то возможен ли вызов урны на дом? Если да, то за какое время желательно предупредить об этом? И возможен ли вызов урны на дом в день выборов? Полученные нами ответы несколько развеяли созданную картину, показав, что о возможности вызова урны респонденты знают и считают ее реальной, но «в самых исключительных случаях». Голосование на дому, судя по реакции многих опрошиваемых, «не одобряется». Следовательно, вызов нужно осуществить как можно раньше, предупредив за 2–3 недели о том, что гражданин не способен дойти до участка. Вызов урны в день выборов 75% опрошенных сочли невозможным. На наш взгляд, последняя серия вопросов свидетельствует о том, что работа избирательных комиссий сводится не столько к «заботе об избирателе», сколько к агитационной работе.

В Самаре ситуация прямо противоположная. Пенсионеры вовсе не считают, что местные власти осуществляют сколько-нибудь активную агитацию выборов. Никто специально не объясняет гражданам, куда и в каких случаях можно подавать жалобу на то или иное нарушение электорального процесса, равно как никто и не объясняет, как опознать сами нарушения, — что можно, а что нет считать таковым. Но что касается вызова урны на дом, то с этим, как единодушно свидетельствуют респонденты, никогда и никаких вопросов не возникало. Обращения в день выборов с просьбами подобного рода воспринимаются и выполняются без особых промедлений.

При ответах на вопросы, касающихся популярности участия в выборах разных уровней, тоже видны некоторые межрегиональные различия. В Самаре для респондентов, время от времени посещающих избирательные участки, важнее выборы федерального уровня. Им больше «доверяют», они более значимы для региона. На данные выборы регулярно приходят порядка 24% опрошенных (из 42% посещающих время от времени). Лишь 11% респондентов больше доверяют регио-

нальным выборам и предпочитают ходить на них, утверждая, что на выборах федерального уровня «уже все решено без нас». Кроме того, 7% респондентов признаются, что посещают выборы, когда позволяет здоровье или приусадебные дела. Ситуация в Республике Татарстан иная. Там более популярны местные выборы. Две трети респондентов, которые время от времени появляются на избирательных участках, считают, что их благосостояние (прежде всего в материальном плане) зависит именно от этих выборов гораздо больше, чем от федеральных. Доля посещающих выборы в зависимости от состояния здоровья равна 3,2% от общего числа принявших участие в опросе.

Ответы на вопросы, касающиеся того, что может помешать респондентам явиться на избирательные участки, оригинальностью не отличались и сводились к очевидным причинам — «плохому самочувствию» и «погодным катаклизмам». Светов, в которых желание пойти на выборы связывалось бы с наличием или отсутствием особо предпочтительных кандидатов, практически не было. Отсутствие достойного кандидата оказалось поводом для отказа от участия в выборах лишь для 2,1% респондентов в Самаре и 0,7% в Татарстане.

Прежде чем подробно анализировать ответы второго блока, касающегося информированности общества о политических платформах действующих партий, необходимо отметить, что полученные ответы (в обоих регионах) во многом совпадали с нашими ожиданиями. Более того, все их можно свести к фразам: «информированы, хорошо разбираются, часто читают прессу, программы партий знают». Поэтому интересно не столько сравнение регионов между собой, сколько сравнение ответов данного блока с результатами, полученными в третьем блоке вопросов, касающихся политических предпочтений. Здесь, помимо прочих вопросов, мы просили респондентов выбрать из списка лозунги, в наибольшей степени, на их взгляд, отражающие их же политические предпочтения.

Возвращаясь к анализу второго блока вопросов, надо вновь подчеркнуть, что большого расхождения между Самарой и Татарстаном при ответах на эти вопросы не наблюдалось. Около 65–70% опрошенных читают прессу (в том числе статьи информационно-политической тематики) регулярно. Оставшиеся — время от времени, но не реже трех-четырёх раз в неделю. Новости читают и смотрят каждый день и с большим интересом порядка 92% респондентов пенсионного возраста. Примерно такое же число респондентов признали себя людьми, следящими за конкретными политическими событиями. На открытый вопрос о том, какое из недавних внутривнутриполитических или международных событий показалось респонденту наиболее интересным, подавляющее большинство указало «мировой экономической кризис» (на втором месте — «война в Осетии и Абхазии»).

Среди читаемой литературы, особенно в предвыборный период, довольно часто встречаются программы/заявления представителей тех или иных политических сил. Респондентам данная информация интересна, читают ее часто, жалуясь лишь на нехватку таковой после завершения выборов.

Из списка 20 политических партий, о платформах которых респондентам может быть известно, были выбраны ожидаемые «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Яблоко», СПС, Аграрная партия РФ, партия «Зеленые». Кроме того, мы предложили участникам опроса выбрать лозунги, которые им хотя бы раз встречались. Мы предложили следующие высказывания политиков:

- укрепление федеративных основ — залог устойчивости и процветания страны;
- согласие между народами;
- сохранение национальных языков и культурных традиций;
- обеспечение конкурентоспособности и инновационного прорыва;
- социальная защита, гарантии прав и свобод;
- борьба с коррупцией;
- повышение доходов работников бюджетной сферы;
- поддержка малого и среднего бизнеса;
- политика интернационализма;
- создание общественных межнациональных советов;
- защита общего культурного пространства России;
- повышение конкурентоспособности экономики;
- обеспечение нового качества жизни;
- поддержка институтов гражданского общества;
- продвижение общественных инициатив;
- укрепление суверенитета России;
- справедливое мироустройство;
- создание общества равных возможностей;
- национализация природных богатств России;
- ответственность власти за жилищно-коммунальное хозяйство;
- общедоступность и высокое качество здравоохранения;
- приоритет внутреннего долга перед внешним;
- прогрессивная шкала налогообложения;
- сокращение числа чиновников;
- территориальная целостность России и защита соотечественников за рубежом.

Практически все из перечисленных нами лозунгов известны избирателям (при допустимых пяти ответах). Каждый из них оказался хотя бы раз упомянутым, но наиболее популярным оказался призыв к борьбе с коррупцией. Именно он, с точки зрения избирателей, не только наиболее актуален сегодня, но и чаще других звучит в программных документах различных партий и движений.

Обращаясь к блоку вопросов, касающихся политических симпатий граждан, и сравнивая его с результатами второго блока (в котором, напомним, жители обеих регионов показали себя знающими политическую ситуацию, регулярно читающими прессу и т.п.), мы получили весьма неожиданные результаты. Начнем с того, что не вызывало у нас никаких сомнений: процент сторонников партии власти составил 68% в Самаре и 73% в Татарстане. На втором месте, с 22 и 18% соответственно, находится КПРФ, оставшиеся голоса поделили между собой ЛДПР и «Справедливая Россия». На региональных выборах те же семьдесят с лишним процентов респондентов готовы голосовать за кандидатов от «Единой России». К тому, чтобы пересмотреть свои предпочтения, их может подтолкнуть лишь полный политический крах партии (например, в ситуации усугубления экономического кризиса) — так ответили 54,3–56% сторонников «Единой России» и 41,8–43% сторонников КПРФ в каждом из регионов. Судя по ответам на вопросы о том, что нравится опрашиваемым в программах партий, важнее всего забота об обществе, широкая социальная политика, гарантии улучшения качества жизни, усиление роли РФ на международной арене.

К числу никак не ожидаемых нами результатов можно отнести следующую серию вопросов. Мы предлагали респондентам из целого перечня политических тезисов выбрать то, с чем они однозначно согласны и не согласны. В качестве перечня тезисов мы предлагали несколько видоизмененные, но уже представленные нами ранее лозунги (взятые также из программ и выступлений политиков разных политических направлений). Картина получилась весьма необычной. Так, например, сторонники «Единой России», готовые отдать за нее свои голоса, в 40–47% (по Самаре и Татарстану) случаев выбирают в качестве наиболее соответствующих своим политическим пристрастиям лозунги партий КПРФ и «Справедливая Россия», выступающих за «национализацию природных ресурсов» и «сокращение числа чиновников». В этом отношении респонденты, поддерживающие саму КПРФ, не сильно отличаются от сторонников «Единой России». Правда, процент «попаданий» в «свою» программу у них несколько выше: они выбирают лозунги конкурирующих партий в 23–29% случаев (против 40–47% у сторонников партии власти).

Данные результаты, на наш взгляд, могут свидетельствовать о двух явлениях. С одной стороны, это слабая в действительности осведомленность опрашиваемых о программах политических партий. С другой стороны, можно предположить, что, отвечая на вопросы, непосредственно касающиеся их политических симпатий, не все отвечавшие были полностью откровенны. Подтвердить или опровергнуть первую или вторую версию пока не представляется возможным. Хочется надеяться, что ситуацию отчасти прояснят планируемые бе-

седы с представителями данной возрастной группы относительно их действительных политических пристрастий.

Ответы четвертого блока, к которым мы перейдем далее, были посвящены одобрению политики местных властей. Вопросы делились на 5 блоков: экономика, социальная сфера, межнациональные отношения, взаимоотношения с федеральным центром, международные связи. Сразу оговоримся, что самыми сложными и непредсказуемыми в плане ответов оказались блоки, посвященные отношениям с людьми других национальностей, вопросам толерантности и взаимоотношениям с федеральным центром.

Экономической политикой региона больше недовольны в Самаре и значительно меньше — в Татарстане, 61,4% против 36,9%. При этом респонденты в Татарстане полагают, что в условиях кризиса лучше всего о них позаботится именно местная, а не федеральная власть. Самарцы больше согласны с политикой федеральной власти. Тем не менее «просчеты» властей обоих уровней отмечают и татарстанские, и самарские респонденты. Особенно часто среди них упоминаются отсутствие ответственности перед обществом, неспособность государства справиться с кризисом, отсутствие регулирования цен на продовольствие. Что касается социальной сферы (под которой мы подразумевали системы образования, здравоохранения и ЖКХ), то тут довольных 52,6% в Самаре и 78% в Татарстане. Недостатки, отмечаемые чаще других, предсказуемы: это «слабое финансирование», «платная медицина», «дорогое/не для всех» высшее образование.

Международные связи региона эффективными признают 67% самарцев и 85% жителей Татарстана. Многие отмечают, что можно повысить их «эффективность» (имея в виду эффективность экономическую), если бы не противодействие со стороны федерального центра и большая подвижность региональных чиновников.

Что же касается блока вопросов по толерантности, то больше двух третей опрошенных в Татарстане объявили себя сторонниками курса Шаймиева¹, а следовательно, людьми довольно терпи-

¹ Напомним, что содержание курса М.Шаймиева можно представить следующим образом: обустройство сельских территорий на основе ускоренного развития агропромышленного сектора экономики; сбережение нации через сбережение села; минимальный размер оплаты труда не должен быть ниже прожиточного минимума; исправление социального неравенства; меры против «утечки мозгов»; принятие мер для решения проблем в здравоохранении и образовании, в области демографии, а также в жилищной сфере; меры по поддержке отечественного товаропроизводителя; воспитание патриотизма; «открытость границ» для приезжих и эффективное использование их в тех сферах, в которых коренное население не заинтересовано работать.

мо относящимися ко всем приезжим. Более того, многие респонденты считают, что его политика могла бы носить еще более «дружелюбный» характер, в особенности по отношению к выходцам из стран бывшего СССР. Сравнив данные показатели с результатами мониторинга толерантности, мы получили совершенно иную картину.

На первый взгляд обращает на себя внимание довольно толерантное отношение жителей республики как к мигрантам, так и к другим группам, воспринимаемым как социально депривированные (например, к бездомным). Чуть меньше половины жителей региона испытывают к ним сочувствие и жалость, отчасти признавая, что при определенных социальных условиях они вполне смогут стать если и не полноценными членами общества, то, по меньшей мере, активно в него включиться. Сочувствие к данным группам также весьма велико и составляет порядка 75% (при условии, правда, что отвечающие могли давать не более трех вариантов ответов). Более того, граждане готовы поддерживать приезжих материально. Для 64,8% населения различные виды помощи им — нормальное явление.

Все это не может не свидетельствовать о том, что отношение к мигрантам в Татарстане довольно толерантное. Им готовы помогать, поддерживать, жалеть. Следуя логике исследования, далее было бы вполне логично предположить, что мигрантов готовы «принять» и статус их едва ли не приближается к статусу «своих». Однако, вопреки предположениям, вторая часть осуществленного исследования полностью опровергает первую. Далее следовали вопросы, посвященные конкретным мероприятиям, необходимым для того, чтобы все перечисленные категории с успехом включились в общество региона. Полученные результаты, опровергая миф о толерантном отношении к приезжим, показали, что далеко не все группы мигрантов, с точки зрения респондентов, заслуживают помощи и сочувствия. Больше всего подобного отношения, с точки зрения жителей Республики, заслуживают мигранты и вынужденным переселенцы из маленьких городов и деревень Российской Федерации (оказать посильную помощь и сочувствие таковым готовы порядка 30% от числа опрошенных). Далее с большим отставанием следуют представители стран СНГ. Лицам из указанных регионов, не являющимся бывшими соотечественниками, готовы предоставить помощь на порядок меньше жителей — всего 7,1%. Наконец, мигрантам из дальнего зарубежья — всего 2,8%. Несколько иное отношение у респондентов к бывшим соотечественникам, то есть к гражданам или бывшим гражданам Российской Федерации, оказавшимся в силу тех или иных причин за пределами государства. Процент согласных оказать им помощь, способствовать их устройству на новом месте несколько выше и приближается к 50% от

числа всех опрошенных. Таким образом, становится очевидно, что отношение к приехавшим отнюдь не столь толерантное, как следовало из ответов на вопросы, касающихся общего отношения к мигрантам. При этом различия в ответах между представителями разных этнических групп (главным образом русскими и татарами), проживающих в регионе, не наблюдалось. Предположение о том, что мусульмане будут значительно «терпимее» относиться к своим единоверцам из стран СНГ и дальнего зарубежья, не оправдалось.

Говоря о проблемах, которые способны вызвать приезжие, респонденты, до этого довольно однозначно отвечавшие, что не испытывают к прибывшим практически никаких негативных чувств, в подавляющем большинстве отмечают, что главной такой проблемой является распространение наркотиков. Мигранты, наживаясь на коренных жителях, торгуют наркотиками, превращая в инвалидов целое поколение граждан. Речь при этом идет обо всех, кроме бывших соотечественников, исключительно русских по национальности. Допустить, что наркоторговлей способны заниматься и граждане своей страны, респонденты не могут. Торгуя на рынках некачественными товарами и продуктами, распространяя «антисанитарию и болезни», мигранты становятся еще и потенциально «опасными» для общества, представляя собой очевидную угрозу спокойствию и тому, что называется распространенном ныне словом «стабильность». Их избегают и боятся, видят в них явную опасность. Многие респонденты предполагают, что из-за них растут проституция и преступность, повышаются цены на жилье, понижается уровень заработной платы (так как мигранты соглашались на самую низкую оплату труда). Кроме того, мигранты занимают рабочие места, на которые вполне могли бы претендовать коренные жители.

Более того, мигрантов часто упрекают в том, что своим компактным проживанием они создают угрозу «нашему» сообществу, то есть угрожают целостности региона и государства в целом. Как считают 29% опрошенных, создавая свои национальные общины, приезжие не только организуют «государства в государстве», где могут действовать собственные порядки, с которыми власти вынуждены считаться, но и провоцируют прочие национальности действовать по их образцу, тоже создавая некое подобие национальных общин. Перечень «претензий» к мигрантам можно продолжать довольно долго. Он обширен и, в зависимости от социально-экономической ситуации, дополняется теми или иными новыми конструктами.

В Самаре исследование только заканчивается, но и тут, на наш взгляд, уже можно говорить о результатах, похожих на полученные в Татарстане. Сходным образом респонденты сначала заявляют о толерантном отношении к мигрантам вообще, а затем обвиняют их в распространении наркоти-

ков, ВИЧ, инфекционных заболеваний. При этом в отличие от Татарстана самарцы не считают жителей Украины и Белоруссии «чужими», относя их к таким же «своим», как и «коренных» жителей региона. Думается, что поверхностная толерантность жителей Татарстана и Самары во многом объясняется информационной политикой властей, направленной на противодействие националистическим настроениям. Однако на практике за внешней толерантностью продолжают скрываться многочисленные фобии.

Пятый блок вопросов отчасти дублировал ответы четвертого и касался материальной обеспеченности информантов, а также их мнения по поводу предстоящего улучшения/ухудшения материального положения их семей. Ответы, данные респондентами в двух регионах, оказались очень похожи. Больше половины из них своим материальным положением не довольны. Причина — отсутствие возможности заработать больше. В ближайшей перспективе респонденты ожидают, скорее, ухудшения своего материального положения, главным образом по причине начинающегося кризиса. Помочь, по их мнению, способны либо родственники и ближайшее окружение, либо они сами. Особых надежд на помощь государства, при всем желании голосовать за действующие политические силы, они не питают. Признавая, что государство должно помогать обществу при решении материальных затруднений, особенно в период экономического кризиса, информанты вместе с тем отмечают, что в нынешней ситуации власть (ни региональная, ни федеральная) в корне изменить ситуацию не способна.

Вопросы шестого блока, касающиеся электоральных перспектив действующих политических сил, неожиданных ответов не принесли. Практически все респонденты в двух регионах, отдавшие свои голоса за партию власти, готовы ее поддерживать и впредь. Среди причин, по которым они могут изменить свои политические предпочтения, самым оригинальным можно признать высказывание, что для этого необходим распад поддерживаемой партии. Вопрос о том, какие колебания партийного курса они готовы принять, фактически остался без ответа. На него затруднились ответить около 64 % опрошенных. Остальные ограничились довольно абстрактной формулировкой: «некоторые несущественные отклонения от принятой программы».

Результаты, полученные нами в ходе опросов, отчасти были ожидаемыми. Например, мы вполне могли предположить, что подавляющее большинство респондентов выскажется за действующие политические силы; что жители Татарстана скорее склонны поддерживать местные, нежели федеральные власти; что уровень толерантности в регионах довольно низкий. Несколько неожиданной оказалась глубокая вера в «Единую Россию» как единственную политическую силу, приемлемую для страны. Создалась парадоксальная ситуация: далеко не все разделяют лозунги и платформу партии власти, лишь немногие склонны рассматривать ее в качестве помощника в условиях экономического кризиса, но при этом большинство пожилых респондентов с упорством утверждают, что готовы и дальше, покуда она будет существовать, голосовать за нее.